УДК 81'42:81'38:81"27

DOI 10.17516/2311-3499-062

РЕЧЕВЫЕ ПРИЕМЫ ДИСКРЕДИТАЦИИ МАРШАЛА СОВЕТСКОГО СОЮЗА Г.К. ЖУКОВА В СОВРЕМЕННЫХ МАСС-МЕДИА

Г.А. Копнина

В статье рассматриваются три группы речевых приемов, направленных на дискредитацию маршала Г.К. Жукова в современных масс-медиа: приемы внедрения в сознание адресата лингвотоксина (словесного ярлыка, эпитета-негативатора, трансформированного прозвища); приемы снятия утвердительной модальности (высказывания о состоянии другого лица, прием плюрализации и др.); приемы лингвоперверсивного искажения образа (лингвоперверсивная инверсия, смещение смыслового акцента при описании события, подбор дискредитирующих цитат). В совокупности эти приемы используются для создания и/или поддержания черного мифа о маршале Г.К. Жукове как о человеке жестоком, негениальном, тщеславном, развратном и склонном к наживе.

По наблюдениям автора статьи, информационные атаки на Жукова ведутся с начала XXI века и наиболее частотны в последние два года. Отмечается, что попытки сформировать негативно-оценочное отношение к героическому символу могут нанести обществу культурную травму как такое переживание, которое разрушает историческую память и делает ее уязвимой в информационно-психологической войне.

Результаты исследования представляют интерес для тех, кого интересуют вопросы национальной безопасности России.

Ключевые слова и фразы: *информационно-психологическая война; борьба с символами; речевой прием дискредитации; лингвотоксины; снятая утвердительность; лингвоперверсивы; маршал Г.К. Жуков.*

SPEECH TECHNIQUES OF DISCREDITATION OF MARSHAL OF THE SOVIET UNION G.K. ZHUKOV IN MODERN MASS MEDIA

G.A. Koptina

Three groups of speech techniques of discreditation of marshal G.K. Zhukov in modern mass media are discussed in the article. These techniques include suggestion of lingvotoxin (word label, negative epithet, transformed nickname) into the consciousness of the addressee; removing the suspended assertion (statements about the state of another person, the method of pluralization, etc.); linguo-perverse image distortion (linguo-versatile inversion, shift of semantic accent when describing an event, selection of discrediting quotes). In total these techniques are used to create and / or maintain the black myth about marshal G.K. Zhukov as a man of cruel, not genial, vain, depraved and prone to profit.

According to the author's observations, informational attacks on Zhukov have been conducted since the beginning of the twenty-first century and they are the most frequent in the last two years. It is noted that attempts to form a negative-evaluative attitude to a heroic symbol can inflict cultural trauma on society as an experience that destroys historical memory and makes it vulnerable in an information-psychological war. The research results are important for those who are interested in the issues of national security of Russia.

Keywords and phrases: *information-psychological war; the fight against symbols; speech techniques of discreditation; linguo-toxins; suspended assertion; linguo-perversions; marshal G.K. Zhukov.*

Введение

Актуальность предпринятого нами исследования обусловлена геополитической ситуацией, в которой России приходится отстаивать свои интересы в условиях ведущейся против нее информационно-психологической войны. В информационном поле значимыми остаются вопросы достоверного описания истории страны как внутри нее, так и за рубежом. Об этом свидетельствуют результаты исследования, проведенного в России в 2009 году. В рамках проекта «Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках новых независимых государств» было проанализировано 187 учебников и учебных пособий из 12 бывших союзных республик, за исключением Таджикистана и Туркмении. Полученный вывод: «Во всех странах, кроме Белоруссии и Армении, преподавание общего с Россией периода истории строится на концепции русской оккупации и многовековой национально-освободительной борьбы титульного этноса» [Ильинский 2015: 67]. В России различная оценочная интерпретация исторических событий также порой «подменяет саму историческую событийность» [Чернявская 2013: 90].

Как видим, современная информационно-психологическая война имеет «свое историческое измерение»: «...искажение исторического прошлого, изменение смысловых и нравственных акцентов в оценке исторических событий в известной степени изменяет исторический облик нации, ставя под сомнение предметы ее национальной гордости. Если отдавать себе отчет в том, что историческое прошлое народа, память о нем, почитание этой памяти есть основа и самосознания народа, и ощущения им себя в качестве единой общности, то подобный пересмотр истории предстает как информационная война с исторической укорененностью культурного самосознания» [Самохвалова 2011: 60–61].

Наиболее уязвимыми точками российского народного сознания в этой войне (называемой также «психоисторической» [Фурсов 2013]) выступают символы и образы национальной истории [Кара-Мурза 2011: 209]. Символы формируют «чувственно-эмоциональную картину прошлого», принятие его как «своего», они придают историческому знанию связный характер, выступают «в качестве своеобразного “хранилища” и “генератора” смыслов» и способны «привести в действие внутренние ресурсы индивида, социальной группы, народа и, тем самым, изменить ожидаемый (“естественный”) ход вещей» [Балабушевич и др. 2015: 76]. Именно поэтому они подвергаются информационным атакам в «битве за историю».

Позитивные символы многообразны, ими «становятся подвиги сослуживцев, почетные звания, принадлежность к определенной социальной группе (например, Героев России), конкретные победы своих войск, боевые знамена воинских частей, отдельные командиры и т. д.» [Караяни, Сыромятников 2006: 394]. Героические символы Великой Отечественной войны, «...по-прежнему остаются основой не только народной памяти о той войне, но и ценностным ядром национального самосознания в целом» [Сенявская 1999]. Одним из героических «символов-людей» [Балабушевич и др. 2015: 76] этой войны является маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков. Чтобы стереть его из памяти народа, идет борьба с символом: в июне 2018 года на Украине глава Института национальной памяти страны Владимир Вятрович выступает с предложением демонтировать все памятники и доски в честь маршала Георгия Жукова, а также переименовать все топонимические объекты, названные в его честь [<https://iz.ru/752312/video/pamiatniki-marshalu-zhukovu-stali-vne-zakona-na-ukraine>]. Этот факт, как и некоторые другие, свидетельствует о необходимости защиты исторической памяти, а также обуславливает актуальность нашего исследования.

Вокруг личности и деяний Г.К. Жукова «много противоречивых суждений и оценок», «в течение четверти века его имя практически не упоминалось», а на публикации о нем долгие годы «накладывалось вето», чтобы стереть из памяти народа его имя [Шевчук 2008: 111]. Другими словами, его пытались предать коллективному забвению, которое является частью технологии информационно-психологической войны. Сейчас о Г.К. Жукове пишут как о фигуре

противоречивой, однако во многих публикациях встречаются необоснованные попытки дискредитировать Г.К. Жукова. Их развенчанию со ссылками на документальные источники посвящена книга фронтовика, писателя В.С. Бушина «Маршал Жуков. Против потока клеветы» [Бушин 2015]. Лингвистические исследования на эту тему, насколько нам известно, не проводились. Цель данной статьи – представить лингвистическое описание приемов дискредитации Г.К. Жукова и его имени как символа Победы, используемых в современных масс-медиа.

Методологические установки и материал исследования

Исследователи отмечают, что «Великая Отечественная война рассматривается как позитивная символическая ценность, причем у всех поколений россиян. В условиях ценностной и идейной дезориентации современного российского общества она фактически остается одной из немногих опор национального самосознания, которое отторгло многочисленные попытки, предпринятые в 1990-е годы, по ревизии оценок событий и итогов этой войны» [Сенявский, Сенявская 2010: 115]. На основании этого в процессе исследования мы исходили из гипотезы, что дискредитация Г.К. Жукова как «архитектора Победы» [Мельситов 2016: 9] в сети Интернет и масс-медиа осуществляется способом, который метафорически можно назвать «яд по каплям», то есть путем вкрапления в тексты таких речевых приемов, которые вызывают у адресата негативно-оценочное отношение к той или иной личности и могут наносить ему культурную травму. При этом культурную травму мы трактуем (в духе историка Доминика Лакапры) как «переживание, которое оказывает разрушительное воздействие на нашу память и может делать ее особенно уязвимой при отражении каких-либо событий» [Браточкин 2015].

Материалом исследования послужили фрагменты текстов разного объема (от одного предложения до абзаца), но контекстуально достаточные для констатации наличия в них негативно-оценочного модуса представления интересующей нас исторической личности. Речевые фрагменты извлекались из публикаций, находящихся в открытом доступе в сети Интернет и потому предполагающих множественность их адресатов. Эти публикации представлены разными жанрами (статья, интервью, комментарий к фильму, заметка в личном дневнике пользователя и др.); задачи выявления какой-либо жанровой специфики в использовании речевых приемов дискредитации мы не ставили. Публикации, из которых извлекались речевые приемы дискредитации, названы в перечне источников в конце данной статьи. Если обратить внимание на даты их написания и/или размещения в сети Интернет, то можно сделать предварительное заключение (в дальнейшем предполагается его проверка на более обширном материале), что информационные атаки на Г.К. Жукова как массовый вброс негативной информации о нем наблюдаются с начала 2000-ых годов и активизируются в 2017–2018 годах (из 20 обнаруженных и проанализированных нами дискредитирующих текстов 6 опубликованы в 2017 г., три – в 2018 г.). Получается, что дискредитация маршала Г.К. Жукова осуществляется уже на протяжении 18 лет. Поскольку в этом (2019) году исполняется 45 лет со дня смерти Г.К. Жукова, а в 2020 году будет 75 лет со дня Победы в Великой Отечественной войне, можно предположить не затихание, а эскалацию информационных атак, которые будут осуществляться под маской «поиска правды». В процессе сбора материала в строке «поиск» в сети Интернет мы набирали ключевое сочетание «маршал Жуков», а далее проходили по каждой ссылке, прочитывали каждый массмедийный текст и отбирали те тексты, которые являлись не нейтрально-фактологическими, а оценочными. В результате наблюдения отметили значительное преобладание негативной информации над позитивной: на один текст со стратегией глорификации приходилось не менее 4–5 текстов с преобладающей стратегией дискредитации.

В процессе исследования использовался традиционный аналитико-описательный метод, предполагающий лингвистическое наблюдение, интерпретацию речевых фактов, их обобщение и классификацию, применялись также контекстуальный, интенциональный и стилистический анализ.

Поскольку не все речевые приемы дискредитации имеют терминологические обозначения в лингвистических исследованиях, мы взяли на себя смелость предложить наименования для некоторых из них.

Обсуждение результатов

Анализ собранного материала позволяет выделить несколько групп **речевых приемов-дискредитаторов**, мишенью которых выступает маршал Г.К. Жуков.

I. Первую группу приемов назовем **приемами внедрения лингвотоксина**, в роли которого выступают лексические единицы, имеющие негативную эмоционально-оценочную коннотацию: словесные ярлыки, отрицательно-оценочные эпитеты, трансформированные прозвища. Такие контекстуальные (речевые) лингвотоксины (при расширенном понимании термина «лингвотоксины», предложенного в [Сковородников, Копнина 2017]), способны оставлять негативный «осадок» и, подобно токсинам, «накапливаться» в исторической памяти, отравляя / разрушая ее (есть даже термин «травмированная память» [Кучева 2016: 119]). Известно, что функция психологической защиты при определенных условиях (в нашем случае – в условиях информационной войны) «может блокироваться нарастающими негативными эмоциями» [Десакрализация 2004], в результате чего человек оказывается лишенным способности выдерживать атаки на героическое прошлое, которое «...(не только в материализованном, вещественном и институциональном, но и в духовном плане) в решающей степени предопределяет настоящее и будущее» [Сенявский, Сенявская 2010: 106].

К названной группе относится прием, который часто называют «**навешиванием ярлыков**». В адрес Г.К. Жукова используются такие **словесные ярлыки**, как *враг народа, ватник, палач, мародер, браконьер русского народа, «крот*». Например: *Всегда считал Жукова омерзительным быдлом, классическим ватником и палачом русского народа, случайно дорвавшимся до власти* (<http://maxpark.com/community/politic/content/5222180>); – <...> *Маршал Жуков, которого Дорогой называет мародером, не является символом воинской славы и законодательно таковым не признан* (Новая газета. 13.02.3018); *Жуков, по свидетельству своего главного биографа Виктора Суворова, был главным мародером Красной армии, он воровал книги библиотеками, золото килограммами, картины галереями, шерстяные отрезы километрами* (<http://www.kontinent.org/article.php?aid=488919b530d52>);

МАРШАЛ ЖУКОВ

ВЕЛИКИЙ ПАЛАЧ РУССКОЙ АРМИИ

ВЕЛИКИЙ ВРАГ НАРОДА И СССР (А. Купцов. <https://www.proza.ru/2014/09/08/1045>); *К тому же, есть подозрение, что маршал Жуков и есть тот "крот", работавший на фашистскую разведку* (<http://likorg.ru/post/zhukov-prestupnik-vtoroy-mirovoy-voyny>); *Жуков – браконьер русского народа* (<https://tapirr.livejournal.com/2943818.html>).

Отметим, что словосочетание «браконьер русского народа» впервые было использовано В.П. Астафьевым в частной переписке (в письме В. Кондратьеву 28.12.1987 г. [Астафьев 2009]) и не может в рамках этой переписки рассматриваться как участие автора в информационно-психологической войне в соответствии с ее критериями, однако дальнейшее тиражирование (многократное воспроизведение в разных контекстах) этого словосочетания превратило его в политический ярлык как средство дискредитации маршала.

Названные выше словесные ярлыки часто используются в сочетании с эпитетами-негативаторами, например, в таком заголовке: *Виктор Суворов о маршале Жукове: кровавый палач* (Радио Свобода. 12.03.2002).

В дискредитирующих Г.К. Жукова высказываниях используются следующие негативно-оценочные эпитеты, отрицающие его достоинства, таланты и заслуги: *жестокый, необразованный, посредственный, грубый, чванливый, властолюбивый, бездарный, глупый, подлый* и т.п., в том числе антифразис «*гениальный*». Приведем примеры использования **приема навязывания эпитета-негативатора**: «*Гениальный*» маршал Жуков (заголовок: <https://history.wiki>

reading.ru/134719); Многие долго и нудно твердят о заслугах Жукова, хотя, как военный, он был очень даже **посредственным и необразованным** (<http://likorg.ru/post/zhukov-prestupnik-vtoroy-mirovoy-voyny>); Но Жуков был, как мне представляется, несентиментальным и очень жестким – чтобы не сказать, **жестоким** человеком (<https://pozneronline.ru/2015/11/13116/>); Согласно многочисленным книгам и фильмам о Георгии Жукове, он был весьма неоднозначной фигурой. О нем говорят, что был **груб и жесток**, что якобы одерживал победы не умением, а числом, что **падок был до женщин и богатств...** Впрочем, обвинения в разного рода прегрешениях всегда сопровождают личностей исторического масштаба. А то, что Жуков был именно таковой, сомнению не подлежит (Дни.ру. 16.06.2018); Суворов: Маршал Жуков – **виновник самой страшной военной катастрофы в мире** (<https://gordonua.com/news/worldnews/suvorov-marshal-zhukov-vinovnik-samoy-strashnoy-voennoy-katastrofy-v-mire-195852.html>); Именно поэтому после смерти Сталина в 1953 г. и сразу после ареста Берия, лучшего друга и заступника Жукова, Хрущев под всеобщее согласие снимает с поста и удаляет из армии **чванливого Жукова** (<https://history.wikireading.ru/134719>); В наставлениях для средних командиров и намек не было — беречь солдат. Ведь и маршал Жуков по своей **безжалостности** был **полководцем сталинской школы** (Новая газета. 23.06.2017).

В роли эпитетов-негативаторов, с помощью которых дискредитируемому объекту приписываются те или иные негативные качества, выступают не только прилагательные, но и существительные: **бездарь, монстр, чудовище, преступник, садист, убийца, мясник, дилетант, авантюрист**. Например: Он на военных самолётах свозил в Москву членов ЦК КПСС, чтобы обеспечить работу пленума ЦК, на котором требовалось спасти от отставки Н.С. Хрущёва и самого себя. Как же мог **авантюрист Жуков** уважать законопослушного Малиновского? (<http://www.kontinent.org/article.php?aid=488919b530d52>); Из чванливого и жестокого **бездаря Жукова** сделали гениального полководца, которого и сейчас боготворят некоторые ветераны войны, как боготворят и «отца народов» Сталина (<https://history.wikireading.ru/134719>); Жуков – **преступник** Второй мировой войны (<https://harmfulgrumpy.livejournal.com/1357677.html>); Многие советские "историки" под общей волной выражения благодарности хоть кому-то в победе над Гитлером, превозносили маршала Жукова до небес, да и теперь превозносят, не разобравшись в сущности этой личности. А истинная сущность его – **садист и убийца** (<http://likorg.ru/post/zhukov-prestupnik-vtoroy-mirovoy-voyny>); Любопытно, что послевоенные оценки советских полководцев звучали однозначно: лучший – Рокоссовский. Затем Говоров и Толбухин, потом битый, но научившийся кое-чему Конев. И «**мясник**» Жуков (Наша Версия на Неве. 2013. № 35); Прозвище **Мясник**, данное на фронте Жукову, в общем-то отражает отношение солдат ко всем высшим командирам – учитывая количество наших потерь в войну (Новая газета. 06.02.2012.); **МАРШАЛ ЖУКОВ ВЕЛИКИЙ МОНСТР ВТОРОЙ МИРОВОЙ** <...> Прежде чем контрапунктами перечислить сверхзло этого **чудовища** напомним самое главное в истории этого **монстра** (А. Купцов. <https://www.proza.ru/2014/09/08/1045>).

В некоторых контекстах (особенно реализующих тактику обсуждения личной жизни маршала) эпитеты выполняют функцию иронической характеристики, например: В течение шести лет **бравый кавалерист** жил практически на два дома, попеременно с обеими женами. Они об этом знали, но мирились, поскольку ни с одной из них он формально в браке не состоял (Русский базар. 2004. № 27).

К группе приемов внедрения лингвотоксина относится **прием трансформации прозвища**. В народе Г.К. Жукова называли «Маршалом Победы» (он принимал послевоенный Парад Победы). В одном из текстов его трансформировали отсечением первого слога (способом редеривации): **Маршалы беды**. Уместно ли говорить о «человеческом» в советских военачальниках времен войны? Первый канал выпустил в эфир сериал «Жуков» (Новая газета. 06.02.2012).

Встречается также прием антитезы, в составе которой используются аксиологически противоположные понятия. Например, в юбилейную дату («115 лет со дня рождения выдающегося

полководца Великой Отечественной») в газете «Комсомольская правда» выходит материал под заголовком «Маршал Жуков: гений или злодей». Этот материал представляет собой интервью журналиста (военного обозревателя) с президентом Академии военных наук, генералом армии **Махмудом Гареевым** и полемизирующим с ним писателем-историком **Николаем Добрухой**. Во вводной части материала читаем: *Но про маршала Жукова продолжают спорить – как фронтовики, так и те, кто никогда не нюхал пороха. Ибо слишком неоднозначна фигура этого военачальника, в котором уживались мощный полководческий талант и постыдные человеческие слабости, мудрая решительность и бездушная жестокость. Так кто же он все-таки – военный гений или злодей?* (Комсомольская правда. 17.11.2011). Специфика этого приема состоит в том, что слова-негативаторы (речевые лингвотоксины) противопоставлены словам-апологетизмам, но и те, и другие характеризуют объект описания.

II. Вторую группу приемов назовем приемами снятия утвердительной модальности.

Термин «снятая утвердительность», введенный в 1963 году У. Вайнрейхом [Падучева 2018: 1], используется в работах Е.В. Падучевой. Она пишет, что «пропозиция имеет снятую утвердительность, если говорящий не несет ответственности за ее истинность, т. е. не утверждает ее, а также не предполагает в виде презумпции или следствия» [Там же: 3]. «Снятая утвердительность – это очень часто модальный контекст; например, контекст возможности» [Падучева 2005: 32]; «контекст снятой утвердительности создают также модальные слова (такие как *может, хочет, должен, необходимо*), отрицание (в том числе внутрилексемное, как у *отказываться, запрещать, отрицать*), вопрос, дизъюнкция, целевые и условные союзы; неуверенность, предположительность, нереальность» [Там же: 17]. Таким образом, по мысли лингвистов, «нейтрализация утвердительности» («снятая утвердительность», или неверидикативность [Падучева 2018: 12]) позволяет автору высказывания снимать с себя ответственность за его содержание, или, как еще говорят, не брать на себя эпистемическое обязательство.

Предложенный термин «приемы снятия утвердительной модальности» («приемы неверидикативности») позволяет объединить в одну группу различные способы оформления нефактивных высказываний (высказываний, выражающих мнение; аксиологических суждений и суждений квантификации; суждений о состоянии другого лица, выводных знаний с маркерами субъективной модальности) [Доронина 2011]), необходимости отграничения которых от утверждений о факте посвящены работы в области юридической лингвистики.

К приемам снятия утвердительной модальности отнесем **прием приписывания человеку слов, которых он не говорил, тех или иных мыслей или состояний, которых он не испытывал** (констатация их наличия не доказана в тексте). В нашем материале он оформляется преимущественно с помощью глаголов, обозначающих эмоциональное состояние, или глаголов ментального действия, приписывающих человеку дискредитирующие его эмоции, чувства или мысли. В масс-медийных публикациях маршал Г.К. Жуков характеризуется при помощи глаголов *испугался, не желал* (делать что-л.), *не уважал* (кого-л.) и некоторых других. Например, к газетной статье дается лид: *Штурм Рейхстага: сколько победных флагов было поднято над нацистским логовом, почему их водружали даже 8 мая и чего испугался Жуков*. В самой же статье читаем: *И когда выяснилось, что Рейхстаг еще не взят, что за Знамя Победы приняли самодельный флаг, Жуков, командарм Кузнецов и другие наверняка испугались* (Новая газета. 07.07.2017) – модальность гипотетичности (*наверняка*) подчеркивает манипулятивность приема «чтения в сердцах», поскольку контекст *Жуков, командарм Кузнецов и другие наверняка испугались* является неверидикативным для пропозиции *Жуков испугался*.

Приведем и другие примеры: *Великий военачальник двигал армиями, но не желал наводить порядок в своей личной жизни* (Экспресс-газета. 08.06.2017); *Почему маршал Жуков не уважал маршала Малиновского? <...> Маршал Жуков не уважал никого, кроме своей последней жены Галины и двух дочерей, хотя дочерей у него было более, чем две. Не уважал он и Сталина, о чём*

свидетельствуют его мемуары. Он <...> множество раз, говоря по-современному, **подставил** своего начальника. **Не уважал** он своих подчиненных маршалов и генералов, которых не только **оскорблял**, но и бил (<http://www.kontinent.org/article.php?aid=488919b530d52>); – ...Работа над планом всегда ведется начальником оперативного отдела, начальником штаба и командующим, а Жуков прибирает себе всю эту славу. Он **не хочет** этой **славой делиться** ни с кем (В. Суворов. <https://www.svoboda.org/a/24202357.html>); Но если собрать вместе победы и поражения Жукова, можно только ужаснуться тому, что он **натворил** для собственной армии и для народа, которого **никогда не жалел**. <...> Чтобы **выслужиться** или доказать свою компетентность, Жуков **с легкостью посылал** сотни тысяч солдат на верную смерть, ибо у него в запасе имелась еще пара десятков миллионов. <...> Жуков **нарочно провоцировал** немцев к нападению, чтобы согласно своему «хитрому», а на деле – бездарному плану самому контратаковать и перенести театр военных действий за границы СССР (<https://history.wikireading.ru/134719>).

Следующий прием (его можно считать разновидностью названного выше) строится по модели: X + глагол ментального действия, союз *что* Жуков + глагол мнения / говорения в составе порочащей фразы. Например: – <...> Чув **мне много интересного** рассказал. Даже сенсационного! Например, **Молотов признался, что Жуков предлагал Сталину... Москву осенью 1941-го сдать** (Комсомольская правда. 17.11.2011). Придаточное в таком высказывании не имеет истинностного значения, поэтому назовем условно этот прием как «**прием придаточного со снятой утвердительностью**».

Следующий прием второй группы, используемый для дискредитации Г.К. Жукова, – это **прием ложного причинно-следственного моделирования**, оформленный как выводное знание с маркером субъективности. Например, Николай Добруха говорит: *Изучая документы второй половины XX века, я пришел к выводу, что, что... Только не удивляйтесь! Что развал СССР связан и с именем Георгия Константиновича Жукова. Потому что именно он выступил против так называемой антипартийной группы и смог привести к власти такую личность, как Хрущев* (Комсомольская правда. 17.11.2011) – субъективный характер утверждения выражен главной частью сложноподчиненного предложения: *я пришел к выводу*.

Прием плюрализации, или умножения имен действия, вместо называния конкретных лиц, перекладывающий ответственность за сообщаемое на других лиц, представлен в дискредитирующем высказывании: *Все, кто знал Жукова близко, отмечали его жесткость, а порой даже жестокость. И это невзирая на военные будни, где жесткость и жестокость были нормой жизни! Хотя приближенные к Жукову люди видели его и в моменты откровенной слабости и даже паники, когда Жуков плакал от бессилия и страха* (<https://history.wikireading.ru/134719>).

Во вторую группу приемов можно включить также риторический вопрос, имплицитно утверждение-негативацию. Вопросительная форма способствует снижению утвердительности имплицитно заложенной в нем информации, которая является «следствием любого допустимого ответа на этот вопрос, кроме отрицательного» [Кобозева 2001]: *Сколько миллионов трупов стоил России маршал Жуков* (URL: <https://www.proza.ru/2014/09/08/1045>) – имплицитная информация *Маршал Жуков виновен в смерти миллионов людей*.

III. Третья группа речевых приемов дискредитации может быть названа **приемами лингвоперверсивного создания образа маршала**.

Искажение образа, основанное на принципе перестановки, назовем **приемом лингвоперверсивной инверсии**: *Именно Жуков в большей степени, чем Сталин, был виновником катастрофы 1941 г., так как именно он убеждал Сталина не менять запланированного на начало июля наступления на Германию под видом ответа на провокацию на границах. Да, Жуков был главным вдохновителем нападения на Германию* (<https://history.wikireading.ru/134719>) – агрессором предстает не Германия, а Россия, а ее идеологом маршал Г.К. Жуков (с помощью

словосочетания *вдохновитель нападения*), что искажает в целом образ Великой Отечественной войны.

Прием смещения смыслового акцента при описании события также искажает образ маршала, например: *Авторы документального фильма «Жуков» попытались разобраться, насколько велики в действительности его полководческие таланты, и сопоставимы ли потери, которые понесла Советская армия в проведенных им операциях, с ценой Победы. Ведь за время его командования погибло больше солдат, было уничтожено больше единиц военной техники и стрелкового оружия, чем когда-либо за всю историю войн* (<https://scisne.net/a-1527>) – при обсуждении потерь во время войны фокус этого обсуждения переносится на дискредитируемое лицо, которому приписывается отсутствие полководческого таланта.

Оценочное искажение образа (его подача только с одной – отрицательной – стороны) может происходить путем **подбора дискредитирующих цитат**. Так М.А. Голденков в публикации «"Гениальный" маршал Жуков» отбирает только те цитаты, которые негативно характеризуют Г.К. Жукова. Он приводит, например, высказывание В. Суворова (эмигранта-диссидента, антисоветчика), представляющее собой лингвоперверсивную инверсию: *«Давайте перестанем валить вину на немцев за чудовищные потери Советского Союза в войне. Наши полководцы, прежде всего Жуков, воевали так, что потери могли исчисляться только десятками миллионов»* (<https://history.wikireading.ru/134719>) – думается, комментарии здесь излишни. Кстати, о своем отношении к маршалу В. Суворов в одном из интервью сказал прямо: «Мне лично культ личности Жукова мешает персонально» (Радио Свобода. 12.03.2002). М.А. Голденков пишет также, что *«советский белорусский [так у автора. – Г.К.] писатель Василий Быков с беспристрастностью летописца описал, как Жуков в 1941 г. в бешенстве приказывал расстреливать солдат отступающих частей Красной армии. Солдат просто выдергивали наугад из строя. Для устрашения другим»* (<https://history.wikireading.ru/134719>). Заметим, что В. Быков не является свидетелем того, что описывает, он приводит рассказ одного из комбатантов о маршале, в заключении иронически оценивая деятельность Г.К. Жукова (*Великий был маршал!*) [Быков 2018].

Иллюстрируя различные речевые приемы дискредитации маршала, мы приводили контексты, достаточные для демонстрации самого приема. Но если посмотреть на более широкие контексты их употребления, то можно заметить, что они часто вкрапляются в позитивно-оценочные речевые блоки или перемежаются с ними. Например: – <...> *У Сталина плохих руководителей не было. А если кто-то и был плохой, он долго у Сталина не задерживался. А Жуков задержался. И не только задержался, но и стал тем человеком, который принимал Парад Победы. И Золотые Звезды Героя Советского Союза у него заслуженные, за исключением, может быть, лишь четвертой, сомнительной, которая была связана с именем Хрущева в 56-м году. Там была политическая конъюнктура...* (Комсомольская правда. 17.11.2011). Вот так, «как бы между прочим», после комплиментарной части идет фрагмент с модальностью гипотетичности (*может быть*), ставящий под сомнение заслуженность награды военным. Подобные контексты свидетельствуют об использовании такой речевой технологии дискредитации маршала Г.К. Жукова, которую метафорически можно назвать «яд по каплям».

Отметим также существование конвергентного использования речевых приемов дискредитации, например: *В Советском Союзе проживало тогда 170 миллионов человек. Жуков воевал так, словно ему дали добро на убой как минимум семидесяти миллионов. Мол, пускай немцы умрут от усталости нас убивать. Тактика «море людей» – единственная тактика Жукова в той войне* (<https://history.wikireading.ru/134719>) – используются прием «чтения в сердцах» (*Мол, пускай немцы умрут от усталости нас убивать*) и прием внедрения эпитетов-негативаторов: во втором предложении развернутого сравнения, выполняющего роль эпитета (в его широком осмыслении) и метафорического эпитета «море людей» в составе бездоказательного утверждения.

Заключение

Все выявленные группы речевых приемов дискредитации Г.К. Жукова, представленные в масс-медийных публикациях с начала 2000-ых годов, выполняют функцию формирования негативной установки, отрицательного эмоционального отношения к объекту описания, на фоне которых адресату воздействия сложнее анализировать поступающую информацию. Лингвистическое оформление дискредитирующих высказываний позволяет их авторам не нести ответственности за их содержание, создавать видимость доказательности выдвигаемого тезиса и поддерживать черные мифы о маршале Г.К. Жукове как о человеке жестоком, негениальном, тщеславном, развратном и склонном к наживе. Между тем еще А.А. Керсновский в работе «Философия войны», ставшей классической, пишет, что в ситуации войны (а сейчас идет информационно-психологическая война) «культ героев должен соблюдаться свято» [Керсновский 1939].

Источники

«Единственное, о чем я сожалею, – не учел развитие в стране стукачества». Пенсионера из Магадана обвиняют в «умышленном преступлении против мира и безопасности человечества». Свидетели обвинения – друзья из «Одноклассников» [Электронный ресурс] // Новая газета. 13.02.2018. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/02/13/75493-edinstvennoe-o-chem-ya-sozhaleyu-ne-uchel-razvitie-v-strane-stukachestva>

Архангельский А. Маршал беды. Уместно ли говорить о «человеческом» в советских военачальниках времен войны. Первый канал выпустил в эфир сериал «Жуков» [Электронный ресурс] // Новая газета. 06.02.2012. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2012/02/06/48115-marshaly-bedy>

Боярский Т. Почему маршал Жуков не уважал маршала Малиновского? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kontinent.org/article.php?aid=488919b530d52>

Василь Быков: «Мертвым не больно». Лейтенанты Великой Отечественной и их «окопная правда» [Электронный ресурс] // Новая газета. 23.06.2017. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/06/23/72889-vasil-bykov-mertvym-ne-bolno>

Георгий Жуков: Маршал Победы или ее палач? [Электронный ресурс] // Наша Версия на Неве. 2013. №35 (293). URL: <https://neva.versia.ru/georgij-zhukov-marshal-pobedy-ili-eyo-palach>

Голденков М.А. «Гениальный» маршал Жуков [Электронный ресурс]. URL: <https://history.wikireading.ru/134719>

Градов П. Маршал Жуков: четыре женщины четырежды Героя [Электронный ресурс] // Экспресс-газета. 08.06.2017. URL: <https://www.eg.ru/society/351792/>

Жуков – браконьер русского народа [Электронный ресурс]. 06.05.2011. URL: <https://tapirr.livejournal.com/2943818.html>

Жуков – преступник Второй мировой войны. Сталинисты против Г.К. Жукова [Электронный ресурс]. 15.02.2018. URL: <https://harmfulgrumpy.livejournal.com/1357677.html>

Жуков преступник Второй мировой войны [Электронный ресурс]. 28.03.2017. URL: <http://likorg.ru/post/zhukov-prestupnik-vtoroy-mirovoy-voyny>

Купцов А. Сколько миллионов трупов стоил России маршал Жуков [Электронный ресурс]. URL: <https://www.proza.ru/2014/09/08/1045>

Маршал Жуков: «Солдат не жалеть!» [Электронный ресурс]. URL: <https://scisne.net/a-1527>

Маршал Жуков: гений или злодей? 19 ноября исполняется 115 лет со дня рождения выдающегося полководца Великой Отечественной [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. 17.11.2011. URL: <https://www.krsk.kp.ru/daily/25789.3/2770801/>

Маршал Победы Жуков: кровавый полководец и палач казачества (размещение статьи 08.05.2016) [Электронный ресурс]. URL: <http://maxpark.com/community/politic/content/5222180>

Ройтман Лев. Виктор Суворов о маршале Жукове: кровавый палач [Электронный ресурс] // Радио Свобода. 12.03.2002. URL: <https://www.svoboda.org/a/24202357.html>

Страшные тайны: Георгий Жуков [Электронный ресурс] // Дни.ру. 16.06.2018. URL: <https://dni.ru/polit/2018/6/16/400045.html>

Владимир Познер: «Жуков был, как мне представляется, несентиментальным и очень жестким человеком» [Электронный ресурс]. Ноябрь 2015 г. URL: <https://pozneronline.ru/2015/11/13116/>

Суворов: Маршал Жуков – виновник самой страшной военной катастрофы в мире [Электронный ресурс]. 03.07.2017. URL: <https://gordonua.com/news/worldnews/suvorov-marshal-zhukov-vinovnik-samoy-strashnoy-voennoy-katastrofy-v-mire-195852.html>

Штейберг Марк. Частная жизнь маршала Жукова [Электронный ресурс] // Русский базар. 2004. № 27 (427). URL: <http://www.russian-bazaar.com/ru/content/5473.htm>

«Мы рассчитывали только на смерть. На нее и шли». Штурм Рейхстага: сколько победных флагов было поднято над нацистским логовом, почему их водружали даже 8 мая и чего испугался Жуков [Электронный ресурс] // Новая газета. 07.07.2017. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/07/07/73036-my-rasschityvali-tolko-na-smert-na-nee-i-shli>

Литература

Астафьев В.П. Нет мне ответа... Эпистолярный дневник 1952–2001 [Электронный ресурс]/ сост., предисл. Г. Сапронова. Иркутск: Издатель Сапронов, 2009. 720 с. URL: <http://e-libra.su/read/414246-net-mne-otveta-epistolynnyy-dnevnik-1952-2001.html> (дата обращения: 10.04.2019).

Балабушевич В.Ю., Гурский А.И., Кокоулин В.Г. Историческая память о Великой Отечественной войне: символическое измерение // Гуманитарные проблемы военного дела. 2015. № 1 (2). С. 75–79.

Браточкин А. Культурная травма и медиа. 29.05.2015. URL: <http://gefiter.ru/archive/15301> (дата обращения: 18.04.2019)

Бушев В.С. Маршал Жуков. Против потока клеветы. М.: ООО «ТД Алгоритм», 2015. 256 с.

Быков В. Жестокая правда войны. Воспоминания пехотинца. М.: Алгоритм, 2018. 240 с. URL: <https://clck.ru/FLEAm> (дата обращения: 18.04.2019).

Десакрализация // Философия. Энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. URL: <https://vk.io/2th4> (дата обращения: 18.04.2019).

Доронина С.В. Факт: семантика и прагматика // Юрислингвистика. 2011. № 1 (11). С. 342–349.

Ильинский И.М. В поисках правды об истории Великой Отечественной войны // Стратегические приоритеты. 2015. № 1 (5). С.60–71.

Кара-Мурза С.Г. Кто такие русские. М.: Алгоритм: Эксмо, 2011. 240 с.

Караяни А. Г., Сыромятников И. В. Прикладная военная психология. СПб.: Питер, 2006. 480 с.

Керсновский А.А. Философия войны [Электронный ресурс]. Белград: «Царский вестник», 1939. URL: http://www.xliby.ru/istorija/_filosofija_voiny_v_odnoimennom_sbornikel/p2.php#metkadoc2 (дата обращения: 18.04.2019).

Кобозева И.М. Лингвопрагматический аспект анализа языка СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 100–114. URL: http://evartist.narod.ru/text12/08.htm#%D0%B7_11 (дата обращения: 18.04.2019).

Кучева А.В. Концепция культурной травмы и возможность ее применения к интерпретации исторических событий // Исторические, философские, политические и юридические науки,

культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2016. № 8(70). С. 118–120.

Мельситов В.В. Против лжи и инсинуаций о Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. // Научный журнал КубГАУ. 2016. №118(04). С. 1–11.

Падучева Е.В. Снятая утвердительность и неверидикативность [Электронный ресурс] // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог 2018». Москва, 30 мая – 2 июня 2018 г. С.1–14. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/4323/paduchevaev.pdf> (дата обращения: 18.04.2019)

Падучева Е.В. Эффекты снятой утвердительности: глобальное отрицание // Русский язык в научном освещении. 2005. № 2 (10). С. 17–44.

Самохвалова В.И. Специфика современной информационной войны: средства и цели поражения // Философия и общество. 2011. Вып. 3 (63). С. 54–73.

Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России [Электронный ресурс]. М.: РОССПЭН, 1999. 383 с. URL: http://krotov.info/library/18_s/en/yavskaya00.htm (дата обращения: 18.04.2019)

Сенявский А., Сенявская Е. Поле боя – историческая память. Военная история России XX века в контексте психологической войны и современной геополитики // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2010. № 1. С.106–125.

Сковородников А.П., Копнина Г.А. Лингвотоксичные явления в языке и речи // Мир русского слова. 2017. № 3. С. 28–31.

Фурсов А. Бить первыми. Как побеждать в психоисторической войне // Завтра. 2013. № 27.

Чернявская В.Е. Политизация истории как стратегия создания новой государственной идентичности: лингвистический анализ // Политическая лингвистика. 2013. № 4 (46). С. 85–90.

Шевчук И.Н. Оценка полководческой деятельности Г.К. Жукова в документах ЦК КПСС // Вестник архивиста. 2008. № 2. С.111–121.

References

Astaf'ev V.P. Net mne otveta... Epistolarnyy dnevnik 1952–2001 [There's no answer...Epistolary diary. There's no answer...Epistolary diary 1952–2001.] / Sost., predisl. G. Sapronova. Irkutsk: Izdatel' Sapronov, 2009. 720 p. URL: <http://e-libra.su/read/414246-net-mne-otveta-epistolarnyy-dnevnik-1952-2001.html> (accessed 18.04.2019).

Balabushevich V.Yu., Gurskiy A.I., Kokoulin V.G. Istoricheskaya pamyat' o Velikoy Otechestvennoy voyne: simvolicheskoe izmerenie [Historical memory of The Great Patriotic War: symbolical measure]. *Gumanitarnye problemy voennogo dela*, 2015, no 1 (2), pp. 75–79.

Bratochkin A. Kul'turnaya travma i media [Cultural trauma and media]. 29.05.2015. Available at: <http://gefter.ru/archive/15301> (accessed 18.04.2019).

Bushev V.S. Marshal Zhukov. Protiv potoka klevety [Marshal Zhukov. Against the flow of slander]. Moscow: ООО «TD Algoritm», 2015. 256 p.

Bykov V. Zhestokaya pravda voyny. Vospominaniya pekhotintsa [Cruel truth of war. Memories of infantryman]. M.: Algoritm, 2018. 240 p. Available at: <https://clck.ru/FLEAm> (accessed 18.04.2019).

Desakralizatsiya. *Filosofiya. Entsiklopedicheskiy slovar'* [Desacralization. Philosophy. Encyclopedic dictionary]. / pod red. A.A. Ivina. Moscow: Gardariki, 2004. Available at: <https://vk.io/2th4> (accessed 18.04.2019).

Doronina S.V. Fakt: semantik i pragmatika [The fact: semantics and pragmatics]. *Yurislingvistika*, 2011, no. 1 (11), pp. 342–349.

Il'inskiy I.M. V poiskakh pravdy ob istorii Velikoy Otechestvennoy voyny [In search of the truth about history of The Great Patriotic War]. *Strategicheskie priority*, 2015, no. 1 (5), pp.60–71.

Kara-Murza S.G. Kto takie russkie [Who are russians]. Moscow: Algoritm: Eksmo, 2011. 240 p.

Karayani A.G., Syromyatnikov I.V. *Prikladnaya voennaya psikhologiya* [Applied military psychology]. SPb.: Piter, 2006. 480 p.

Kersnovskiy A.A. *Filosofiya voyny* [Philosophy of war]. Belgrad: «Tsarskiy vestnik», 1939. Available at: http://www.xliby.ru/istoriya/_filosofiya_voiny_v_odnoimennom_sbornikel/p2.php#metkadoc2 (accessed 18.04.2019).

Kobozeva I.M. *Lingvopragmaticheskiy aspekt analiza yazyka SMI* [Linguopragmatic aspect of analysis of media language]. *Yazyk SMI kak ob"ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya*. Moscow: Izd-vo MGU, 2001, pp. 100–114. Available at: http://evartist.narod.ru/text12/08.htm%D0%B7_11 (accessed 18.04.2019).

Kucheva A.V. *Kontsepsiya kul'turnoy travmy i vozmozhnost' ee primeneniya k interpretatsii istoricheskikh sobyitiy* [Concept of cultural trauma and the possibility of its application of the interpretation of historical events]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* Tambov: Gramota, 2016, no. 8(70), pp. 118–120.

Mel'sitov V.V. *Protiv lzhi i insinuatsiy o Velikoy Otechestvennoy voyne 1941 – 1945 gg.* [Against lies and insinuations about The Great Patriotic War]. *Nauchnyy zhurnal KubGAU*, 2016, no. 118(04), pp. 1–11.

Paducheva E.V. *Snyataya utverditel'nost' i neveridikal'nost'* [Suspended assertion and nonveridicality]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: po materialam mezhdunarodnoy konferentsii «Dialog 2018»* [Computational linguistics and intellectual technologies: based on materials of the international conference “Dialogue 2018”]. Moscow, 30 maya — 2 iyunya 2018 g., pp. 1–14. Available at: <http://www.dialog-21.ru/media/4323/paduchevaev.pdf> (accessed 18.04.2019).

Paducheva E.V. *Effekty snyatoy utverditel'nosti: global'noe otritsanie* [Effects of suspended assertion: global denial]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2005, no. 2 (10), pp. 17–44.

Samokhvalova V.I. *Spetsifika sovremennoy informatsionnoy voyny: sredstva i tseli porazheniya* [Specificity of the modern information war: means and targets of destruction]. *Filosofiya i obshchestvo*, 2011, vol. 3 (63), pp. 54–73.

Senyavskaya E.S. *Psikhologiya voyny v XX veke: istoricheskiy opyt Rossii* [Psychology of war in 20th century: historical experience of Russia]. Moscow: ROSSPEN, 1999. 383 p. Available at: http://krotov.info/library/18s/en/yavskaya_00.htm (accessed 18.04.2019).

Senyavskiy A., Senyavskaya E. *Pole boya – istoricheskaya pamyat'. Voennaya istoriya Rossii KhKh veka v kontekste psikhologicheskoy voyny i sovremennoy geopolitiki* [Battlefield – historical memory. military history of Russia of the 20th century in the context of psychological war and modern geopolitics]. *Zhurnal rossiyskikh i vostochnoevropeyskikh istoricheskikh issledovaniy*, 2010, no. 1, pp. 106–125.

Skovorodnikov A.P., Kopnina G.A. *Lingvotoksichnye yavleniya v yazyke i rechi* [Linguotoxic phenomena in speech and language]. *Mir russkogo slova*, 2017, no. 3, pp. 28–31.

Fursov A. *Bit' pervymi. Kak pobezhdad' v psikhistoricheskoy voyne* [To be the first. How to win the psychological war]. *Zavtra*, 2013, no. 27.

Chernyavskaya V.E. *Politizatsiya istorii kak strategiya sozdaniya novoy gosudarstvennoy identichnosti: lingvisticheskiy analiz* [Politized history as a strategy of constructing a new national identity: linguistic analysis]. *Politicheskaya lingvistika*, 2013, no. 4 (46), pp. 85–90.

Shevchuk I.N. *Otsenka polkovodcheskoy deyatel'nosti G.K. Zhukova v dokumentakh TsK KPSS* [Evaluation of the leadership Zhukov in documents of the central committee of the Central Committee of the CPSU]. *Vestnik arkhivista*, 2008, no. 2, pp. 111–121.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Копнина Галина Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и речевой коммуникации

Сибирский федеральный университет,

Россия, 660041, Красноярск, пр. Свободный, 79

E-mail: gkopnina@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Kopnina Galina Anatolyevna, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of the Russian Language and Speech Communication

Siberian Federal University,

79 Svobodny prospect, Krasnoyarsk 660041 Russia

E-mail: gkopnina@mail.ru